

©2000 г.

С.Г. КЛИМОВА

СТЕРЕОТИПЫ ПОВСЕДНЕВНОСТИ В ОПРЕДЕЛЕНИИ "СВОИХ" И "ЧУЖИХ"

КЛИМОВА Светлана Гавриловна - кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института социологии РАН, консультант Фонда "Общественное мнение".

Разноуровневые и масштабные трансформации изменили представления о социальной стратификации российского общества. Прежние критерии в разделении общества на составляющие его группы становятся неопределенными. Неясность оснований, по которым структурируется социальное пространство, означает неопределенность правил и норм взаимодействия с разными категориями людей, что чревато возникновени-

Исследование социальных стереотипов ведется в рамках проекта "Образы социальной реальности как фактор солидаризации и конфронтации в кризисном обществе", финансируемом РГНФ (№ 99-03019581).
Руководитель проекта - В.А. Ядов.

ем идентичностных конфликтов (в которых основанием враждебности или настороженности является определение других как "чужих").

Такая ситуация структурной и ценностно-мировоззренческой неопределенности, подкрепленная болезненным переживанием людьми потери своего статуса, открывает широкое поле для манипуляций общественным сознанием и коллективным поведением. Базой для политических воздействий становятся прокламируемые идентичности, а не нормативные проекты (программы партий или политических лидеров). Идеи социальной идентичности сознательно или интуитивно используются в новой форме политики - т.н. "политики идентичностей", когда политическая поддержка той или иной партии или лидерам оказывается не в силу общности интересов, а в результате определения их в качестве "своих".

Динамика и характер процессов социальной идентичности активно изучается российскими социологами, что позволяет выявить некоторые закономерности. В частности, В. Ядов и Е. Данилова установили, что после кратковременной волны разобщенности (92-93 гг.), когда снижались идентичности буквально по всем основным общностям, идентификация по всем фиксируемым группам стала усиливаться [2, 3], что свидетельствует о массовом поиске оснований для солидарности. Сравнение оснований обыденной категоризации социального пространства в середине 80-х и 90-х гг. позволило нам сделать вывод о том, что после начала рыночных реформ для людей стала более очевидной имущественная дифференциация; почти разрушились прежние референтные группы, бывшие носителями образцов поведения (трудовой коллектив); власть окончательно утратила монополию на номинацию и приписывание одним группам высокого статуса, другим - низкого, поэтому представления о социальной структуре общества стали более разнообразными и полярными. Зафиксирован рост значимости первичных связей, что естественно для периода кризисов (в первичных группах сохраняются основные социальные навыки: базисное доверие, инициативность, готовность экспериментировать с социальными ролями) [4]. Все эти наблюдения позволяют предположить, что потребности в идентификациях социетального уровня будут связаны с доверием или недоверием к основным социальным институтам.

Социальную идентичность, в отличие от самоидентификации "Я" (см. например [1]), мы рассматриваем как встроенность человека в социально конструируемые категории. Социальные идентичности и контриденциальности составляют систему координат, в которой находится социальная позиция индивида. Такая идентичность - это отождествление человеком себя с некоторой общностью, определение того, кем "на самом деле" он является. Чтобы сделать такое заключение относительно себя самого, человек должен иметь представление о более и менее близких группах, составляющих общество, по каким правилам они живут, как к ним следует относиться.

Социальная идентичность предполагает, что индивид помещен в пространство межгрупповых отношений [5]. Из чего следует, что социальные группы, общности не только носители придаваемой реальности и своим поступкам смыслов (по концепции "ярлыков"), но и деятели, воспроизводящие в повседневной практике те или иные способы мировосприятия и поведения. В феноменологической традиции принято считать, что повседневная практика, как правило, строится на базе обыденных типизаций - устойчивых субъективных определений ситуаций, явлений и спектра возможных действий. Типизации строятся субъектом в предположении, что незнакомые люди в типичной ситуации поведут себя ожидаемым образом, поскольку природа и принципы наших интерпретативных схем одинаковы.

Чтобы понять, как люди представляют себе "своих" и "чужих" в современном российском обществе, мы предложили им в массовом опросе закончить два предложения: "Такие же люди, как я, это..." и "Для меня чужие - это...". Этот опрос проведен Фондом "Общественное мнение" по репрезентативной выборке в 56 населенных пунктах 29 областей, краев и республик 26 января 2000 г. (N = 1500). В результате получили набор стереотипных представлений об окружающих — своих (похожих) и чужих и их явные или неявные оценки. "Такие же, как я" — это фактически авто-

Распределение высказываний, завершающих предложение

*"Такие же люди, как я, это..."**(% от числа ответивших на вопрос; N = 1170)*

Основания категоризации	%
Бедные, бесправные, обреченные (<i>"жалкие", "обездоленные", "неудачники", "забытые жизнью"</i>)	23
Простые (<i>"обычные", "все мы", "большинство", "обыкновенные", "нормальные", "народ"</i>)	19
Нравственные люди (<i>"надежные", "верные", "справедливые", "трудолюбивые", "гостеприимные"</i>)	18
Обозначение места в социально-профессиональной структуре (<i>"пенсионеры", "рабочие", "служащие"</i>)	11
Оптимисты, надежда страны (<i>"счастливые", "активные", "поднимут страну", "энергичные", "стараются что-то изменить"</i>)	10
Работяги, трудовой народ (<i>"рядовые, которые всю жизнь работают", "честные труженики"</i>)	8
Родственники, соседи, друзья (<i>"односельчане", "моя семья", "с кем живу и общаюсь"</i>)	6
Половозрастные признаки (<i>"бабушки", "пацаны", "наше поколение"</i>)	4
Указания на свою и других уникальность (<i>"таких, как я, нету"; "Муммий Троль", "Кинчев"</i>)	2
Другие самоописания (по 1% каждое) (<i>"спокойные, хозяйственные"; "больные", "инвалиды"; "православные"; "коммунисты; интересующиеся искусством"; "средний класс"</i>)	4

стереотип, а "чужие" - конкретные формы стереотипа инаковости. "Чужой" - это не "враг", хотя и может стать им (вспомним: "кто не с нами, тот против нас").

Обработка и интерпретация высказываний строилась как их последовательное обобщение: вначале установление сходства или синонимичности на уровне здравого смысла; на следующем этапе — создание абстрактно-аналитических категорий. Подробнее об этом см. [5,7].

Пространство представлений о "таких же, как я"

Завершая фразу "Такие же люди, как я, это...", человек описывает себя, обращаясь к "самотипизации". "Такие же" - это не "свои", поскольку между ними может не быть личных контактов и солидарности. Но это некая группа (реальная или номинальная), социальная позиция, претендующая на легитимность собственного статуса.

Не дали реакций на предложение "Такие же люди, как я, это..." 22% опрошенных. Чаще затруднялись с ответом жители сел (30%) и малых городов (25%). Меньше затруднившихся с этим определением оказалось в столицах (8%) и мегаполисах (городах с населением более 1 млн. чел.) - 12%. По другим социально-демографическим характеристикам значимых различий не обнаружено. Для того, чтобы сделать более очевидными выявленные закономерности, мы представляем далее данные о процентах от числа ответивших на вопрос, имея в виду, что эти закономерности с большей вероятностью относятся к городскому населению и с меньшей - к сельскому.

Чаще всего (23% от числа ответивших) россияне аттестуют себя и "других таких же" как **бедных, бесправных, обреченных** (см. табл. 1). Практически все ответы, отнесенные к этой группе, свидетельствуют о дезориентации, болезненном переживании потери статуса, маргинальности, неспособности адаптироваться к изменившимся условиям (*"сидящие в яме", "забытые жизнью", "несчастные", "влачащие жалкое существование", "обуза государству", "лишние люди", "неприспособившиеся люди", "мало что понимающие", "отбросы общества", "никто"*).

Такая самооаттестация характерна в первую очередь для бедных жителей малых городов (с доходом до 400 руб. на человека в месяц - 31%, 400-600 руб. - 24%, более 600 руб. — 17%). Но то обстоятельство, что уничижительные характеристики дают себе и сравнительно обеспеченные люди, говорит о том, что "обреченность" - это не только, а может быть не столько бедность, но и потеря статуса в обществе. Приведенные примеры говорят о социальной обездоленности. Негативная аттестация "таких же, как я" облегчает человеку переживание собственной депривации по принципу "не один я такой".

Отнесение себя к "бедным и бесправным" характерно не только для пожилых (старше 51 года - 29%), но и в значительной степени для людей социально активных возрастов (36-50 лет - 27%). Лишь самые молодые (18-35 лет) значительно реже чувствуют себя бедными и бесправными (15%). Образованные реже чувствуют себя "обреченными", чем люди без образования: высшее - 19%, среднее специальное - 22%, среднее, ниже среднего - 26%.

Второй по частоте упоминаний признак - **"простой, обыкновенный человек"** (19%). Это - *модальная самоидентификация*, которая предполагает отнесение себя к символической социальной категории - "такой, как все". "Модальность" в данном случае не объективная характеристика, а субъективная: приписывание себе статуса наибольшей типичности.

Самоопределение на основе представлений о собственной "типичности" содержит три интенции: 1 - "моя" группа является достаточно большой. Недаром значительная часть респондентов, отнесенных к этой группе, идентифицируют себя со страной, со всем народом ("*вся страна*", "*большая часть России*"); 2 — "мой" слой однороден (по положению во властной иерархии — "*рядовые*"; по гражданству — "*нормальные россияне*"; по материальному положению - "*большинство, особенно много не желают, желают нормальный достаток*"); 3 - "мои" собственные взгляды и оценки являются нормой; другие как бы должны считаться с мнением "моего" большинства.

Наделение "простого" российского человека особым статусом связано со специфическими представлениями о "нашей" социальной справедливости. Самоаттестация "такой как все" содержит явные или неявные нормативные требования (недаром звучит как осуждение расхожая фраза: "Ты что, не такой как все?"). Примечательно, что те, кто относит себя к "простым", "обыкновенным", "обывателям", действительно таковы. Отклонений от средних характеристик по всем социально-демографическим группам практически нет. Исключение - жители мегаполисов. Они реже чувствуют себя "такими как все" (14%)¹.

"Нравственные люди" заявили о себе в 18% случаев. Аттестация себя по нравственным критериям, так же, как и по стилям жизни (в сумме 14%), содержит представления о должном поведении. Например, "духовная элита" противопоставляет себя "обывателям", а последние называют первых "снобами". Уменьшение нравственных критериев в категоризации социума и увеличение доли указаний на стили жизни предопределены ускорением темпа жизни. Стили жизни более очевидны, чем личностные качества. Здесь нравственный модус не исчез, но стал более функциональным. Стилевая самопрезентация ориентируется на внешние признаки — манеру поведения и аксессуару. Соответствующие ярлыки появляются и исчезают вместе с носителями довольно быстро. Реже становятся словоупотребления "новые русские", практически исчезли "совки". Еще одна функция категоризации по стилям жизни - поиск собственной идентичности взамен утраченной в ряду моделей массовой культуры (пример - спортивные фанаты и поклонники поп-звезд).

¹ Критерий "Стиль жизни" неявно заявлен в категоризациях, объединенных в следующие группы: "Оптимисты, надежда страны" (10%), "Уникальность себя и других" (2%), "Спокойные, хозяйственные" (1%), "Идеологическая и духовная близость" (1%).

О своей **социально-профессиональной** определенности заявили 11% ответивших на вопрос. По старой привычке аттестуют себя как "рабочих", "строителей", "бюджетников" чаще пожилые (старше 51 года - 15%, 36-50 лет - 7%, 18-35 лет - 9%). Встроенность в социально-профессиональную структуру чаще, чем россияне в среднем, ощущают жители мегаполисов - 18%. Здесь же - больше "оптимистов" (16%) и людей нравственных (29%). Меньше, чем в среднем по стране, в мегаполисах "бесправных и обреченных" (14%) и "обыкновенных" (11%). Можно предположить, что с мегаполисов начинается процесс восстановления социальной ткани, разрушенной за годы масштабных потрясений.

Идентификация с **ближайшим окружением** проявилась в ответах 6% опрошенных. Если бы вопрос стимулировал назвать "близких", а не "таких же, как я", семья, родственники, соседи и друзья заняли бы первое место в идентификационных предпочтениях. Об этом свидетельствуют другие исследования идентичности россиян. Но и в нашем опросе выяснилось, что "семья" занимает первое место в иерархии ценностей. Отвечая на вопрос "Какие из перечисленных слов означают наиболее важные для Вас понятия?", 39% опрошенных (первое место) отметили семью. Практически все исследователи подтверждают рост значимости первичных связей, который сопровождает разрушение макросоциальных идентичностей. С одной стороны, микрогрупповая сплоченность не решает проблемы социальной консолидации. Но с другой — первичные группы в периоды кризиса выполняют важную функцию, сохраняя социальные навыки и базисное доверие.

Микросоциальные связи, наряду с профессионально-статусными, важны потому, что это реально существующие группы (в отличие от номинальных групп "бедных" или "нравственных"), вокруг которых возможно воссоздание социальной структуры общества. В практическом плане это означает, что наряду с профессиональными сообществами возможно возникновение объединений граждан, связанных соседством. Создание сообществ на основе национальной (русской) идеи, так же, как и идеологических солидаризаций (партий), не имеют идентификационных оснований и пока что остаются либо экзотикой, прибежищем для маргиналов, либо виртуальными социальными образованиями.

Пространство представлений о "чужих"

"Чужие" - это "далекие люди", живущие вне "нашего" мира, которые определяются на основе ценностных критериев. Не дали реакции на предложение "Для меня чужие — это..." 31% опрошенных. Чаще это жители малых городов (36%) и сел (38%). Еще 9,0% опрошенных отрицают наличие "чужих", определяя свою идентичность либо со всеми людьми, либо (чаще) - с соотечественниками ("*чужие — такие же люди*", "*мои соотечественники*", "*не враги мне*", "*просто люди, сограждане*", "*не делю на чужих и своих*"; "*объект познания*", "*возможность общения, установления взаимных интересов*"; "*все люди родные, т.к. живут в России*"). Нам представляется, что это - признак потребности в общенациональной интеграции.

Остальные 60% опрошенных выделили те или иные группы "чужих" (табл. 2). Чаще всего определяют "чужих" как "**не своих**", соотнося их с "Я" или "Мы" ("*Которых не воспринимаю*"; "*с которыми у меня нет ничего общего*", "*кто меня не понимает*", "*кого я не понимаю*", "*кого я не знаю*", "*незнакомые*", "*кто не любит моих детей*", "*не разделяющие моих взглядов*") - 20%. В этой группе преобладают молодые люди (18-35 лет - 27%), и жители больших городов (краевые, областные, республиканские центры с населением менее 1 млн. чел — 31%).

Соотнесенность с "Я" или "Мы" - свидетельство погруженности человека в частную жизнь. "Чужие - это не мы" может сказать человек, полагающийся только на себя и своих близких. Личные связи - это компенсация недоверия институциональным связям. Для таких людей частная жизнь - это единственная сфера, где может существовать ответственность и солидарность.

Распределение высказываний, завершающих предложение
"Чужие для меня люди - это..." (% от числа ответивших на вопрос; N = 900)

Основания категоризации	%
Соотнесенность с "Я", "Мы" (<i>"мне безразличные", "кого не знаю"</i>)	20
Безнравственные люди (<i>"нечестные", "тупые", "завистливые", "бессердечные"</i>)	19
Принятие чужих (<i>"все живем в одном мире", "не безразличны мне", "потенциальные друзья"</i>)	13
Преступники, пьяницы, террористы	12
Богатые, "новые русские", элита	10
Недифференцированное восприятие чужих (<i>"стадо", "все одинаковые", "пустое место"</i>)	7
Власть (<i>"наглецы в Думе", "Немцовы, Гайдары и другие не нужные в обществе"</i>)	6
Враги, беда, горе	5
Пессимисты, духовно чужие, с чуждой идеологией (<i>"лишенные цели в жизни", "горделивые", "забывшие прошлое", "атеисты", "националисты"</i>)	3
Место в социально-профессиональной структуре (<i>"капиталисты", "врачи", "банкиры", "руководители", "милиция"</i>)	2
Бездельники (<i>"живущие не своим трудом", "кто много говорит, а мало делает"</i>)	2
Иностранцы	1
Другие	2

Ориентация на частные связи в период кризисов - закономерное явление, хорошо описанное в литературе. Но затянувшийся кризис институционализирует личные связи, они начинают работать в формальных структурах и подменять собой функциональные сети, основанные на предписанных обязанностях. Демократические механизмы в этом случае используются как способ законного оформления личных связей. Созданные на основе институционализации личных связей социальные сети непрочны. Поэтому их участники стараются как можно быстрее получить свою выгоду от включенности в эти сети. Это - одна из предпосылок трансформации частных связей в коррупцию.

На втором месте по частоте упоминаний - **безнравственные люди** (19%). Чаще, чем россияне в среднем, этот критерий упоминают жители столиц - Москвы и С.-Петербурга (26%), и реже - жители больших городов (13%). Приписывание "чужим" негативных моральных оценок сужает поле доверия, и, соответственно, положительного взаимодействия [8, с. 104]. Определение "чужих" по размытым оценочным критериям - опасный симптом, признак того, что общество воспринимается как хаотическое скопление людей, делить которые имеет смысл только на "хороших и плохих", относя себя при этом, естественно, к "хорошим". Использование оценочных критериев в категоризации социума - свидетельство "морального надрыва" [8, с. 122], черно-белого представления о мире.

Имущественная поляризация вызывает определение в качестве "чужих" **богатых** (10%). Приписывание им негативных характеристик (*"заработавшие деньги нечестным путем", "наживаются за счет других"*) - свидетельство стихийного формирования в обездоленных группах "идеологии нечестного богатства". Постулаты этой идеологии можно реконструировать по таким высказываниям. Богатые - это люди не только *"наглые", "жестокие"*, но враждебные всему народу, подрывающие силу и независимость государства (*"не ценят русский народ", "разворовывают страну", "не хотят процветания нашей стране"*). Такая идеология носит компенсаторный характер, и в

Доверие институтам власти в идентификационных группах (любое количество ответов, % от группы)

Доверяют	Все опрошенные N= 1500	Бедные, бесправные N = 269	Обыкновенные, как все N = 222	Нравственные N = 211	Профессия, статус N= 129	Оптимисты N=117
Правительству, Думе	23	21	24	20	23	27
Армии	18	17	16	19	18	21
Церкви	21	19	22	19	26	26
Милиции, МВД, КГБ	16	16	14	19	16	24
Губернатору, мэру	23	20	24	27	23	27
Никому	24	29	29	24	19	19

ней заложен потенциал отчуждения. Примечательно, что нет суждений, содержащих моральное оправдание богатства. Люди, аттестующие себя как успешные, как те, которые "добиваются чего хотят", не пытаются обосновывать свою стратегию жизни принципами справедливости. Оправдание богатства, как и бедности, строится на дискредитации противоположной группы. "Бедные", по мнению "успешных", сами виноваты в своем положении, потому что они *"ноют, но ничего не предпринимают для улучшения"*, *"не мужики"*, *"не воспринимают существующую действительность"*. Либеральная концепция, согласно которой, "богатые люди - залог богатства страны" не получает подтверждения ни в обыденной жизни, ни в макросоциальных показателях. Исследователи отмечают, что динамика изменения интегрального показателя неравенства (коэффициенты Джини) в России такова, что воспроизводство бедности уже начинает тормозить экономическое развитие страны [8, с. 117-119].

Социально-психологические особенности идентификационных групп

В ходе опроса выявлялись некоторые социально-психологические характеристики респондентов. Это адаптация (фиксировалась по ответам на вопрос "Удалось или не удалось Вам найти свое место в жизни?"), оптимизм-пессимизм (по ответам на вопрос "Как Вы думаете, Вы (Ваша семья) сможете или не сможете в ближайшие год-два повысить свой уровень жизни, жить лучше, богаче, чем сегодня?"), консерватизм (по ответам на вопрос "Есть люди, которым нравятся изменения, новизна, а есть люди, которые не любят изменений и перемен. К какой из этих двух групп Вы себя относите?"), доверие - недоверие к органам власти. Мы, конечно, отдаем себе отчет в том, что одного вопроса для отнесения человека к тому или иному типу по выделенным признакам недостаточно, тем не менее воспользуемся этими переменными, потому что ответы задают некоторый вектор, позволяющий более объемно, и вместе с тем компактно описать идентификационные группы.

Как и следовало ожидать, большинство (64%) "бедных и бесправных" не смогли приспособиться к нынешней жизни, и от будущего они не ждут ничего хорошего. (Это те, кто дали отрицательные ответы на вопросы об адаптации и о возможности в будущем жить лучше.) Среди "бедных и бесправных" больше, чем в среднем по выборке, "консерваторов" - тех, кто остерегается любых новшеств, предпочитая, видимо, мириться со знакомым злом (39%, в среднем по России - 30%).

"Бедные и бесправные", а также "обыкновенные", "простые", в отличие от других групп, чаще не доверяют ни одному из перечисленных социальных институтов (см. табл. 3). Даже церковь у них не в чести. Напомним, что "чужими" назвали предста-

вителей власти 6% ответивших на вопрос. Так же, как и "богатым", "властям" приписываются свойства, обеспечивающие принадлежность к этой группе ("*коррупционеры*", "*лезут вверх по чужим головам*").

Базисное недоверие ко всем социальным институтам, как признак маргинализации общества, стимулирует отчуждение в разных формах. Оно проявляется, в частности, в нежелании участвовать в разного рода мобилизационных проектах (от "потерпеть и подождать пока страна выйдет из кризиса" до уклонения от службы в армии и уплаты налогов). Идентичность становится механизмом защиты от чуждой власти. (Напомним, что опрос проводился до избрания В. Путина на пост президента. Сейчас картина доверия институтам власти несколько иная.) Н.Ф. Наумова отмечает как важное следствие недоверия к властям - устойчивость и непроницаемость жизненных стратегий. Она пишет, что в отличие от предыдущих этапов "демократизации", когда власть преподносила первые сюрпризы населению в виде, например, приватизации, преобладали реактивные реакции при ответе на конкретные ситуации. Стабильное недоверие порождает скрытый поиск стратегий выживания в ситуации, определяемой как неблагоприятная или враждебная, и потому активизируется поиск "своих", - тех, на кого можно опереться [8, с. 117-119].

Противоположная "бесправным" группа - "оптимистов". Они значимо чаще, чем россияне в среднем, уверены, что в близком будущем смогут жить лучше (39% и 28% соответственно); среди них, естественно, больше "новаторов" (62% против 51% в среднем по России). Абсолютное большинство "оптимистов" (79%) предпочитает принимать самостоятельные решения, не обращаясь за полезными советами (в среднем по России - 44%). "Оптимисты" отличаются сравнительно более высоким уровнем доверия к центральным органам власти (27%, у "бедных" - 21%, у "простых" - 24%, в среднем по России - 23%); к своим местным начальникам (губернатору и мэру) (27%, у "простых" - 24%, у "бедных" - 20%), и к церкви (26%, у "бедных" - 19%, у "простых" - 22%, в среднем по России - 21%). Последнее обстоятельство особо примечательно потому, что "оптимистов" больше среди молодежи.

Среди людей "нравственных" меньше, чем в среднем по выборке, неадаптированных пессимистов (30% против 45%). Это те, кто дали отрицательные ответы на вопросы об адаптации и о возможности в будущем жить лучше. Оптимистов и адаптированных пессимистов здесь примерно столько же, сколько в среднем. Возможно убеждение в том, что хорошие люди есть в этом мире, сдерживает их пессимистические настроения. В полном соответствии со своими установками на личностные связи, предполагаемыми такой идентификацией, "нравственные" заметно чаще доверяют только местным органам власти (27%). Остальные социальные институты пользуются доверием не больше, чем у среднего россиянина. Отметим отсутствие акцентированного доверия к церкви в этой группе. Похоже, что она не воспринимается людьми "честными, порядочными, достойными" как носитель духовно-нравственного начала.

Идентичности в электоральных группах

Чтобы сделать более явными связи между электоральным выбором и идентичностями, мы объединили электораты Примакова и Явлинского в одну группу (соответственно 6% и 4%). Это не противоречит левоцентристским ориентациям обоих политиков и сходству характеристик их электоратов.

"Бедных", "бесправных" и "обреченных" в электорате В. Путина меньше, чем в электоратах Зюганова и Явлинского с Примаковым (22%, 28% и 25% соответственно). Протестные настроения людей, потерявших статус, предполагают не только коммунистическую, но и демократическую альтернативу.

"Обычные" и "простые" явно преобладают в электорате В. Путина по сравнению с электоратами его соперников (20%, 13%, 14% соответственно). Это вполне адекватный самоощущениям выбор того политика, который претендует на статус обще-

национального лидера. Напомним, что в самоидентификациях людей, вошедших в эту группу, акцентируется близость со всеми россиянами.

В электоратах Зюганова, а также Явлинского и Примакова больше, чем в электорате Путина, тех, кто склонен подчеркивать свои моральные качества (*"хорошие", "честные", "порядочные"*). Таких в электорате Путина 18%, Зюганова — 22%, Примакова-Явлинского - 21%. Видимо, акценты на нравственной определенности своих позиций, которые делают эти политики в публичных выступлениях и дискуссиях, находят отклик у людей, склонных воспринимать события и окружающих с точки зрения морали.

О своей социально-профессиональной определенности (*"рабочие", "строители", "бюджетники"*) чаще заявляют избиратели, которые предполагают голосовать за Зюганова (в электорате Путина - 11%, Зюганова - 14%, Примакова-Явлинского - 7%). Эти люди хотят сохранить свой привычный статус, и сам Зюганов это, скорее всего, не столько идейно близкий политик, сколько символ собственной социальной определенности, встроенности в общество. Они будут отказываться от своих политических симпатий не тогда, когда станут богаче, а тогда, когда им вернут вместе с работой, профессией, и уважением, соответствующее статусу "профессионала", "мастера".

"Счастливых", "активных", "энергичных" больше в электоратах Примакова и Явлинского (18%), в то время как в электорате Путина их 12%, а у Зюганова - всего 6%. Это молодые жители столиц и мегаполисов, которые осознают свою особость, инаковость по сравнению с "такими как все".

Группы контридентификации (*"чужие"*) не противоречат этим наблюдениям. Так, для электоратов Примакова и Явлинского чаще, чем для электората Путина и Зюганова *"чужие"* - это безнравственные люди (22%, 20% и 16% соответственно); электорат Зюганова чаще видит *"чужих"* в богатых, *"новых русских"* (18% против 9% в электорате Путина и 7% в электоратах Примакова и Явлинского).

Электорат Путина, в соответствии со своей *"модальной"* позицией, не выделяется особой концентрацией на какой-либо группе *"чужих"*.

Выводы

1. Главная проблема по отношению к *"бедным"* и *"бесправным"* - это не столько реализация программ социальной поддержки, сколько предупреждение необратимости, наследственности этого статуса. Борьба с бедностью может быть эффективной только в том случае, если для *"бедных"* станет реальной вертикальная мобильность. Ощущение возможности такой мобильности способно стимулировать их активность и, в конечном итоге, создать предпосылки формирования *"среднего класса"* - опоры реформ.

2. Платой за демократизацию страны стала ощущаемая значительной частью населения социальная несправедливость, порождающая взаимное отчуждение народа и власти, выигравших и проигравших. Демократические институты (свобода прессы, выборы, многопартийность), ценимые элитами, воспринимаются населением как чуждые *"барские игры"*, в которые народ заставляют играть как в наперстки, с заведомым проигрышем. Мотив обмана, нечестности, а то и криминальности тех, кто выиграл от реформ, заставляет проигравших либо ориентироваться на выживание в семье, в кругу близких, либо мечтать об авторитарном лидере, способном восстановить общенациональную интеграцию. В ситуации кризиса из интеграции выпадают *"средние"* звенья - профессиональные, поселенческие сообщества. Недаром критерий социально-профессионального статуса, бывший при социализме главным в самоидентификации, сейчас заменился описанием себя и других как потерявших статус.

3. Разрушение социальной структуры, потеря статуса заставляет человека ориентироваться в социальном пространстве, опираясь не на социальные институты, а на личностные связи. Потому довольно велика значимость нравственных критериев в

категоризации общества. "Свои" - хорошие, порядочные, "чужие" - плохие, не порядочные. Такое определение часто оказывается временным, ситуационным и потому не ведет к созданию сообществ, задающих контуры социальной структуры.

4. Выявленная связь идентификационного выбора и электоральных предпочтений подтверждает существенность фактора социальной идентичности в политическом выборе. Политик в данной ситуации становится референтной личностью. С другой стороны, сам выбор политика делается на основе идентификационного сравнения - "такой, как я". Недаром коммунистическая пропаганда в полной мере использовала в пропаганде клише "простого человека".

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абельс Х.* Интеракция, идентификация, презентация. Введение в интерпретативную социологию. СПб.: Aleteia, 1999.
2. *Данилова Е.Н.* Идентификационные стратегии: российский выбор // Социол. исслед. 1995. № 6. С. 122-124.
3. *Ядов В.А.* Социальные идентификации личности в условиях быстрых социальных перемен / Социальная идентификация личности. М: ИС РАН. 1994. Кн. 2. С. 267-290.
4. *Климова С.Г.* Социальная идентификация в условиях общественных перемен. // Человек. 1995. № 3. С. 26-35.
5. Социальная идентичность и измерение ценностного сознания в кризисном обществе. // Ред. *Н. Шматко*. М.: ИС РАН. 1992. С. 6.
6. *Климова С.Г.* Опыт использования методики неоконченных предложений в социологическом исследовании // Социология: 4М. 1995. № 5-6. С. 49-64.
7. *Бурлов А.В., Татарова Г.Г.* Логическая организация данных, полученных методом неоконченных предложений // Социол. исслед. 1999. № 8. С. 123-133.
8. *Наумова Н.Ф.* Рецидивирующая модернизация в России: беда, вина, ресурс человечества? М., 1999.